

Второй день, Су Сичэнь проснулся лишь к полудню, чувствуя себя совершенно разбитым. В конце концов, вчера вечером он долго не мог уснуть, размышляя об уходе Гу Ичэня. Су Сичэнь внезапно осознал многое: что именно было той «стеной», в которую он врезался в тот вечер; что мятный аромат, который он чувствовал каждую ночь, погружаясь в сон, вовсе не исходил от мяты, которую Цинь Сяокэ держал в его комнате; и многое другое... Он приложил немало усилий, чтобы сдерживать эмоции. Невозможно было не растрогаться: ведь человек на протяжении нескольких месяцев молча делал одно и то же, стараясь оставаться незамеченным — очевидно, что это было далеко не так просто, как кажется.

Проснувшись, он почувствовал головокружение и слабость во всем теле. Ему стало жаль, что он не лег спать пораньше, но в то же время он проникся глубоким уважением к Гу Ичэню и даже почувствовал к нему нежность.

Су Сичэнь еще долго лежал в постели, дожидаясь, пока силы вернутся к нему, и только потом поднялся, чтобы умыться. Но не успел он дойти до ванной, как дверь спальни отворилась.

— Эй, ты наконец проснулся! Уже почти одиннадцать, не думал, что ты такой соня! Ладно, на самом деле я хотел сказать, что малыши любят поспать, — раздался бодрый голос Цинь Сяокэ, мгновенно заполнивший сознание Су Сичэня.

— М-м, — Су Сичэнь неуверенно кивнул. Он не совсем разобрал, что именно сказал Цинь Сяокэ — человек, только что вставший с кровати, еще пребывал в тумане.

Когда он закончил умываться, то увидел, что Цинь Сяокэ уже принес ему стакан молока. Принимая его, Су Сичэнь посмотрел на друга с благодарностью. В глубине души он радовался, что судьба свела их. Без заботы Цинь Сяокэ ему и детям пришлось бы куда тяжелее, не говоря уже о том, что тот помогал ему «украсть детей». Даже к образу Гу Ичэня в мыслях Су Сичэня примешалась признательность, ведь он помнил слова Цинь Сяокэ о том, что именно Гу Ичэнь оплатил его обучение в университете.

— Выпей молока, перекуси, скоро уже обед. Что с тобой? Выглядишь неважно, — Цинь Сяокэ, будучи врачом, сразу заметил, что с Су Сичэнем что-то не так.

Су Сичэнь почувствовал себя ребенком, которого застали за поеданием сладостей.

— Просто чувствую небольшую слабость. Ничего страшного, наверное, лег слишком поздно.

— Ты же вроде рано лег? О чем ты снова думал? Я же просил тебя не забивать голову лишним, — Цинь Сяокэ начал свое привычное ворчание. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они отец и сын.

— Погоди! — Цинь Сяокэ вдруг что-то вспомнил и нахмурился. — Ты сказал, что поздно лег... Скажи, ты чувствовал какой-нибудь запах, ну, например, мяты?

Су Сичэнь кивнул. Теперь настала очередь Цинь Сяокэ чувствовать себя пойманным с поличным. Он почесал затылок, издав шипящий звук — так он обычно втягивал воздух, когда напряженно размышлял. Его глаза забежали, словно он искал оправдание.

Внезапно он бросился на колени к ногам Су Сичэня и жалобно запричитал:

— О, милостивый господин, помилуйте! Эту скромную девушку заставили! Иначе они продали бы мою восьмидесятилетнюю матушку и трехлетнее дитя! Умоляю, проявите прозорливость!

— Эй, ты чего! — Су Сичэнь был ошарашен таким представлением, но в то же время ему стало очень смешно.

Цинь Сяокэ продолжал играть свою роль:

— Эта скромная девушка верит в вашу мудрость и надеется на снисхождение! Я готова служить вам верой и правдой, а если нужно... могу предложить свою руку и сердце! — он поднял голову и кокетливо подмигнул.

Су Сичэнь не выдержал и рассмеялся, решив подыграть:

— Я восстановлю справедливость, а пока можешь быть свободен!

— Слушаюсь! Позвольте, господин, я разомну вам ноги! — после этих слов оба рассмеялись. На самом деле Су Сичэнь совсем не злился. В конце концов, Цинь Сяокэ был человеком Гу Ичэня, как можно требовать от него открытого предательства?

Успокоившись, Су Сичэнь спросил:

— Значит, мятный аромат по вечерам — это был он? А я думал, это та мята, что ты мне принес.

Хотя он уже был почти уверен, ему хотелось получить подтверждение.

— Да. Помнишь, как ты «врезался в стену»? — Цинь Сяокэ увидел, что Су Сичэнь покраснел от смущения, и решил больше не подшучивать над ним. — В ту ночь ты очень крепко спал, и я вспомнил слова нашего учителя о том, что феромоны Альфы оказывают сильное влияние на Омегу в любое время. Виноват, что догадался слишком поздно, иначе тебе не пришлось бы так мучиться.

Су Сичэнь почувствовал странную радость. Значит, это не он влюбился, а просто сработали феромоны! Услышав, что Цинь Сяокэ винит себя, он поспешил успокоить его:

— Все хорошо, ты и так очень много для меня делаешь.

— Так что насчет него... — Цинь Сяокэ говорил очень осторожно. Будучи Омегой, он не мог не видеть, в каких сомнениях пребывал Су Сичэнь, но ему не хотелось, чтобы тот утонул в океане

собственных чувств.

— Не волнуйся, в моих глазах он лишь второй отец моих детей, не более того! — Су Сичэнь снова улыбнулся — впервые за эти дни искренне и легко.

Этим вечером, когда в спальню вошел Гу Ичэнь в разноцветной маске клоуна, Су Сичэнь едва не принял его за другого человека.

— Почему ты сменил цвет? — он присмотрелся. — Ты что, подрабатывал в парке аттракционов?

Раз уж он понял, что его чувства к Гу Ичэню — лишь результат природного влечения Альфы и Омеги, отношение Су Сичэня стало гораздо спокойнее и естественнее.

Гу Ичэнь, озадаченный вопросом, долго молчал, прежде чем выдать:

— Я подумал, детям понравится.

— О, это точно! Цинь Сяокэ говорил, что детям полезно видеть яркие цвета: им это нравится, да и для развития способности различать оттенки полезно.

Цинь Сяокэ действительно так говорил, но Су Сичэнь помнил, что это было применимо к детям, которым исполнился год. Ведь малыши начинают различать цвета не раньше четырех лет!

— Правда? Тогда я буду носить эту маску, им понравится! — Гу Ичэнь теперь считал, что все, что говорит Су Сичэнь — особенно если это касается детей — истина в последней инстанции.

Су Сичэнь радостно кивнул:

— Цинь Сяокэ еще сказал, что скоро начнутся шевеления! Думаю, будет как в книгах или фильмах: то тут, то там будет что-то выпирать!

— Так скоро? Когда начнутся, обязательно позови меня! — Гу Ичэнь забыл, что читал в книгах о том, что ребенок начинает слышать окружающий мир только после пяти месяцев. Он хотел лишь поговорить со своим сыном: — Сынок, ты собираешься пнуть папу? Только осторожнее, папочка смотрит!

— Конечно, сразу позову! Постой, а почему ты решил, что все они мальчики? — Цинь Сяокэ, видимо, забыл рассказать ему правду.

Гу Ичэнь удивился:

— А что значит «все»? — впрочем, он был так поглощен мыслями о детях, что не придавал значения оговорке. — Ну да, Цинь Сяокэ такой забывчивый! Сынок, когда ты родишься, папа научит тебя боевым искусствам, чтобы ты мог защищать других. Но никого обижать нельзя, особенно других Омег!

Су Сичэнь был настолько поглощен радостью от того, что Гу Ичэнь знает пол детей, что даже не заметил, как чуть не проговорился о том, что детей больше одного. Но когда он услышал, как Гу Ичэнь строит планы на будущее, ему показалось, будто он подошел к двери, но ее захлопнули прямо перед его носом.

— Сынок, не знаю, Альфа ты или Омега, но лучше бы Альфа, как папа, так легче жить! Тогда я смогу передать тебе все, что умею, — Гу Ичэнь не замечал, как с каждым его словом сердце Су Сичэня сжималось все сильнее. — Впрочем, если ты Омега — тоже не беда, папа будет тебя защищать и никому в обиду не даст!

Когда Су Сичэнь был уже на грани того, чтобы сорваться, зазвонил телефон Гу Ичэня.

— Что случилось? — он явно был недоволен тем, что его прервали, и в его голосе прозвучало раздражение. Однако, услышав что-то важное на том конце провода, он быстро вернулся к прежнему спокойствию: — Хорошо, я сейчас приеду, пусть ждут меня.

Повесив трубку, Гу Ичэнь сказал Су Сичэню:

— На фирме дела, надо съездить. Ты с детьми ложись спать.

В его словах и тоне сквозило ощущение счастливой, полноценной семьи. Он наклонился и погладил уже заметно округлившийся живот Су Сичэня:

— Сынок, папа уладит дела и завтра придет к тебе, будь хорошим мальчиком! — после этого он поспешил уйти — видимо, дело было серьезным.

Оставшись один, Су Сичэнь лег в постель. Он не хотел спать, но ему хотелось свернуться калачиком, приняв позу эмбриона, — это дарило чувство безопасности. К счастью, Гу Ичэнь закрыл за собой дверь, так что ему не пришлось вставать. Он становился все ленивее.

Су Сичэнь понимал, что Гу Ичэнь не сделал ничего плохого. Разговаривать с нерожденным ребенком, представлять его будущее — он и сам иногда так делал. Но Су Сичэню было невыносимо горько: он мог бы участвовать в этих мечтах, но вынужден молчать, чувствуя себя посторонним.

Он не плакал. Ему просто казалось, что кто-то крепко сжал его сердце, отчего оно ныло. Он положил руку на живот, на то самое место, где только что была ладонь Гу Ичэня, и почувствовал странное, щекочущее ощущение.

— Малыши, кого бы папа ни выбрал в будущем, знайте, что он вас любит. И ваш отец тоже вас любит, — прошептал Су Сичэнь. Он верил, что Гу Ичэнь станет хорошим отцом.

<http://bllate.org/book/21225/2147688>